

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный этап развития политической антропологии (потестарно-политической этнографии) характеризуется углубленным вниманием к политогенетическим процессам, и прежде всего к процессам потестарно-политической централизации и становлению управленческой иерархии¹. Особую роль в разработке этих направлений сыграли концепция вождества² и теория раннего государства³. Именно раннему государству — как термину и как концепту — посвящена обзорная статья Петера Скальника «Концепт раннего государства и антропологическая теория», которой открывается предлагаемый вниманию читателя очередной сборник статей из серии «Ранние формы общественного развития», являющийся тематическим продолжением коллективной работы «Ранние формы политических систем»⁴.

П. Скальник, один из создателей теории раннего государства, спустя тридцать с лишним лет исследует, в какой мере концепт раннего государства утвердился и распространился в антропологии и других социальных науках. Анализ энциклопедий, хрестоматий, важнейших коллективных трудов и монографий по политической антропологии, а также изучение учебников и списков литературы университетских курсов по антропологии в разных странах мира, позволил автору прийти к выводу, что этот концепт не получил всеобщего признания, но многих вдохновил и продолжает вдохновлять на дальнейшие исследования, причем концепт раннего государства закрепился, главным образом, в неозволюционистских работах, в том числе российских. С открытием широкого разнообразия своих аналогов раннее государство перестало быть единственным предшественником современного индустриального государства и не является более преемником вождества или племени.

Остальные статьи в основном посвящены выявлению и исследованию тех факторов, под действием которых одни формы потестарности и политической организации преобразовывались в другие. Разрабатывается также проблематика, связанная с функционированием и исторической динамикой раннепотестарных систем. Так, в обобщающей статье

Л.Е. Гринина и А.В. Коротаяева «Эпоха первичного политогенеза» представлен общетеоретический анализ процессов и моделей формирования и развития политий, начиная от уровня сложности простых вождеств и их аналогов до ранних государств и их аналогов. Весь этот макроэволюционный процесс в целом назван авторами эпохой первичного (или начального) политогенеза. В процессе политогенеза выделен в качестве его составной части государствовгенез. Первичным политогенез назван потому, что на процессе формирования ранних государств он не останавливается, а продолжается в течение всей эволюции государственности от раннего к развитому и даже зрелому государству. Эпоха первичного политогенеза делится на две субэпохи: 1) период формирования вождеств и их аналогов, или догосударственный период; 2) формирование и развитие ранних государств и их аналогов, или раннегосударственный период. Достижение каждого из эволюционных уровней (вождеств и их аналогов, ранних государств и их аналогов) рассматривается авторами в качестве социальных ароморфозов. Социальные ароморфозы — это эволюционно редкие качественные макроизменения, которые значимо повышают сложность, приспособленность и уровень взаимного влияния обществ, а также впоследствии открывают новые направления развития многим социумам. В статье специально анализируется соотношение политогенеза и военного фактора. Сделан вывод, что для рождения государства, как правило, требуется появление особых, необычных, новых условий и обстоятельств, экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни, необходимостью новых решений и реформ. По мнению авторов, именно война чаще всего играла роль «спускового крючка» в процессе возникновения таких экстремальных ситуаций.

Н.Н. Крадин в статье «Пути становления и эволюции ранней государственности на Дальнем Востоке» рассматривает специфику политогенеза на территории российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Манчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Эти территории, как и Корея, и Япония не входили в число первоначальных очагов происхождения государственности, а все возникшие в этом ареале политии (мохэский Бохай, государ-

ство чжурчжэней Цзинь, киданьская империя Ляо) относятся к так называемым вторичными ранним государствам, образовавшимся под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая). Для всех рассмотренных дальневосточных государств характерно не только заимствование большинства компонентов средневековой китайской политической культуры, но и влияние более «развитых» дальневосточных обществ на менее «развитые». В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие, а также влияние империи Тан. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов, на которых большое влияние оказала «тюркская» модель, поэтому не случайно в конце VII в. ряд вождей пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на политогенез у чжурчжэней, а чжурчжэни — на политогенетические процессы у монголов.

В.А. Попов в работе «К феноменологии “общностей по джаму”», или о факторах политической интеграции в доколониальной Западной Африке» анализирует все существующие трактовки джаму: и как родовых (клановых) институтов, и как потестарно-политических, и как социально-коммуникативных сетей, внешне похожих на фиктивно-родственную организацию. Окончательный вывод делается в пользу последней парадигмы и при этом подчеркивается, что такие сетевые структуры, как «общности по джаму», способствовали появлению единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями, и именно они стали главной предпосылкой политической интеграции в доколониальной Тропической Африке. Другими словами, «общности по джаму» оказались реальным каналом формирования раннеполитических структур, а в предколониальный период способствовали развитию тенденций вторичного политогенеза.

Статья Л.П. Грот «Вождество и институт верховной власти в древнерусской истории: истоки проблем изучения» содержит краткий экскурс в историю западноевропейских утопий XVI–XVIII вв. и сравнительный анализ их традиций с существующей концепцией возникновения древнерусского

института княжеской власти. Автор констатирует, что исследования по древнерусской истории так и не вышли из-под влияния готицизма, рудбекианизма и теории Общественного договора, что негативно сказывается на процессе изучения древнерусской государственности.

Д.Е. Алимов (статья «Потестарная организация в славянском мире в IX–X вв.: в поисках “простого вожества”») в полемическом ключе рассматривает так называемые «жупы» — базовый элемент социально-политической организации раннеславянского общества на Балканах. В существующей историографии они обычно рассматриваются как территориальные эквиваленты древних «родоплеменных» единиц. Для разрешения сложившейся ситуации с произвольными атрибуциями, автор обращается к методу исторических аналогий и сопоставляет жупы с политиями Кореи и Японии первых веков н.э.

С.В. Куланда в статье «Половозрастные институты в древних текстах» приводит многочисленные данные о существовании половозрастной стратификации в древнеиндийском обществе, а также делает попытку собрать воедино материалы о половозрастных группированиях, исследованные специалистами по древним и средневековым обществам, главным образом, различных индоевропейских народов. Сведения древних нарративных источников служат подтверждением лингвистических и этнографических данных о значительной роли половозрастной стратификации в социогенезе.

Е.В. Вдовченков в своей небольшой статье «Проблема существования мужских союзов у сарматов» ставит весьма актуальную проблему, исследует фактический материал и приходит к выводу, что все имеющиеся данные о сарматских мужских и молодежных союзах — косвенные, а источники — фрагментарны. В итоге автор определяет наиболее актуальные направления разработки проблемы, в том числе — поиск археологических критериев существования мужских союзов.

В.М. Викторин и Э.Ш. Идрисов прослеживают социально-хозяйственную и политико-потестарную эволюцию кочевников и полукочевников Нижнего Поволжья в составе России в XVIII — начале XX вв. и выявляют несколько мо-

делей управления / самоуправления кочевыми, полукочевыми и прежде кочевыми народами. Для руководства группами (улусами, «табунами») юртовцев, калмыков, казахов использовалась власть прежних генеалогических элит, а ногайцами-карагашами, туркменами, в итоге и юртовцами, — институт назначаемого старшинства.

Две статьи монголистов («Придворные чины Монгольского улуса Чингис-хана» Т.Д. Скрынниковой и «“Царевичи” (*kö'üt*) и “князья”» (*noyat*) как базовые категории правящей элиты Монгольской империи» П.О. Рыкина) выявляют и исследуют основные категории властвующей элиты средневековой монгольской политики.

Основной тезис сообщения В.Н. Давыдова «Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале» заключается в том, что каюры были не просто хорошими проводниками, но также служили посредниками в отношениях между местным населением, с одной стороны, и промышленниками, а также представителями государства — с другой. Каюры также обладали особой формой власти, которую они могли использовать в интересах своего локального сообщества.

Статья М.В. Смирновой-Сеславинской «Соционим *rom* в системе социальной терминологии цыган и его индийский этимон *ḍom* как маркеры этносоциальной динамики их носителей» представляет собой лингвоантропологическое исследование на обширном индоарийском и аустроазиатском материале с целью выявления истоков этногенеза и социогенеза европейских цыган (ромов). В итоге делается вывод, что соционим *rom* < *ḍom* являлся исконным для одного из автохтонных участников этногенеза проторомов.

Завершают сборник статья И.Б. Губанова «Кровная месть и родовая тяжба в народном собрании как основа традиционного общества индоевропейцев», представляющая собой развернутый комментарий к переведенным с древнеисландского самим автором родовых саг. Древнеисландские саги оказались весьма информативным историческим источником по социальной организации, психологии и религиозным представлением древних индоевропейцев, поскольку они зафиксировали социальные и материальные реалии не времени записи, а времени описываемых событий.

Авторский коллектив надеется, что статьи сборника внесут свой вклад в теоретическое осмысление политогенетических процессов и познание специфики исторической динамики и функционирования ранних форм потестарных систем.

В. А. Попов

¹ См. обзор: *Крадин Н.Н.* Современные тенденции политической антропологии // ПАТСО. Владивосток: ДВФУ, 2012. С. 219–241.

² См. обзор: *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // РФПО. М.: Восточная литература, 1995. С. 11–61.

³ Подробнее см.: *Классен Х.Дж.М.* Теория раннего государства сегодня // ПАТСО. Владивосток: ДВФУ, 2012. С. 190–218.

⁴ Ранние формы политических систем /отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. Другие коллективные труды этой серии (составитель и отв. ред. В.А. Попов): Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М.: Восточная литература, 1993; Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995; Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб.: МАЭ РАН, 2000.